

ОЛЕГ МОЙСЕЕНКО

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Олег Моисеенко
Праздник Победы

«Издательские решения»

Моисеенко О.

Праздник Победы / О. Моисеенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507826-1

Книга Олега Моисеенко — это рассказ от имени ветерана Великой Отечественной войны. Герой книги — простой сельский парень — уходит на фронт, чтобы защитить свою Родину. Страх, боль, потеря друзей — многое пришлось испытать солдату-пехотинцу. Но наступил День Победы, и жизнь солдата изменилась. А какой она станет для главного героя и его семьи, вы узнаете из книги «Праздник Победы».

ISBN 978-5-00-507826-1

© Моисеенко О.
© Издательские решения

Содержание

Пути-дороги	6
Праздник Победы	15
Часть первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Праздник Победы

Олег Моисеенко

Редактор Елена Милиенко
Корректор Алексей Леснянский

© Олег Моисеенко, 2019

ISBN 978-5-0050-7826-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Мы были богатыми в то время.

Слово осязаемо, и оно может превращаться в мощное оружие, действие его незримо и проявление не мгновенно, но поражает оно основу жизни на Земле – душу человеческую, и это оружие пущено в ход. Мечом наносят удар, мечом и отражают удар. Слово может и вознести душу человеческую выше звезд, и сбросить в темноту непроглядную.

Мы богаты сейчас, наши потомки будут богаче нас намного.
Мои внукам Ване, Сереже и Мише посвящается...

Пути-дороги (рассказ)

Уже добрых минут пятнадцать продолжался полет от места штурмовки, а Иван никак не мог успокоиться. Набегало откуда-то чувство вины, и тогда Иван начинал оправдываться перед собой: «А что я там мог сделать, когда такой сплошной огонь зениток?» И чем дальше самолет уходил от тех мест, тем более мрачным становилось настроение. Его мысли прервал треск и крик в наушниках:

– Командир! Справа мессеры заходят!.. – Это кричит стрелок Вася по переговорному устройству. Иван в тот же миг чуть повернул голову и сразу увидел два мессера, они готовились к атаке. Этот взгляд изменил все, мир сузился, не стало ничего, кроме самолета, неба, а те мысли были уже так далеко, как родной аэродром и такая притягательная земля. Далее Иван себя не помнил, его руки, ноги, голова, рычаги самолета, штурвал, стрелок Вася – все слилось в одно целое, которое хотело выжить.

– Вижу мессеров, держись, Вася! – протяжно прокричал Иван, отвернул влево и начал снижение. Его действия вырабатывались более чем в полсотни совершенных боевых вылетах, потерях самолетов и экипажей полка, в рассказах летчиков, в разборах командиров. Спроси тогда Ивана, зачем он резко положил самолет на правое крыло, он бы ничего вразумительного не ответил, а, как потом оказалось, это нужно было для отражения следующей атаки. Сзади были слышны очереди пулемета стрелка. Над кабиной и левым крылом штурмовика пронеслись трассы выстрелов немецкого самолета. Иван выжимал все возможное из самолета, чтобы как можно быстрее перейти на бреющий полет, это давало шанс выжить. Там, на бреющем полете, самолет будет защищен снизу, да и у истребителя уже возможности не те. Мессеры пронеслись невдалеке и готовились к новой атаке. Вот они сейчас заканчивают разворот и пойдут в атаку, рассчитывая его пригвоздить к земле, Иван неожиданно прекратил снижение, сделал разворот навстречу немецким истребителям и, когда они уже пошли на него, открыл огонь из пушки. Немцы снова отвернули и пошли на разворот. Это дало шанс начать резкое снижение. Уже близко земля, и Иван вдруг увидел овраги, там они не достанут, проскользнула обнадеживающая мысль. Снова слышны выстрелы Васиного пулемета, снова маневр влево – к оврагам. Неожиданно к Ивану пришло ощущение страха, он потерял из виду один из мессеров и, ожидая выстрелов от пушек немецкого истребителя, закричал в переговорное устройство:

– Ва-а-ас-ся-а-а, куда девался второй фриц?!

– Команди-и-ир, один «захромал», и он уходит, – слышен возбужденный голос Васи, и в этот момент трассы снарядов немецкого самолета чуть не зацепили левое крыло. Вот и долгожданная земля, штурмовик на бреющем полете, высота метров семьдесят, снова будет атака, и Иван направил самолет в овраг. Овраг широкий и глубокий, они нас здесь не возьмут, к Ивану пришел азарт, на его несколько искаженном лице возникло подобие улыбки и радости. Вдали увидел пролетевший мессер. «Похоже, они потеряли нас», – это была первая осознанная мысль Ивана. Овраг петляет, и сейчас главное – удержать в его складках самолет и не врезаться в землю. «Сколько будет продолжаться этот овраг и где немцы?» – одна мысль набегала на другую, а губы ощутили соленый вкус пота, и Иван хриплым голосом прокричал:

– Вася, ты их видишь?!

– Кажется, оторвались, командир, – ответил бодрым голосом Вася.

Иван начал подъем и вовремя – овраг стал глубже, но уже, и еще бы чуть-чуть, и самолет мог врезаться в землю. Штурмовик начал набирать высоту, нужно было уходить от этих мест туда, за линию фронта.

Их эскадрилья штурмовиков вылетела на помощь нашей пехоте, но встретила мощный заградительный огонь немецких зенитных орудий, и штурмовики вынуждены были поодиночке прорываться к месту атаки. В конце концов Иван после двух пролетов над атакующими немцами, израсходовав почти весь боекомплект, ушел в их тыл и оттуда уже возвращался один на аэродром. И вот встретили в одиночку мессеров. До аэродрома еще минут двадцать лета, а они почти безоружные, кончились боеприпасы. Иван набрал максимальную высоту, вошли в облака, по расчетам они уже должны были пересечь линию фронта, и он начал думать, как дотянуть до аэродрома.

На аэродроме их ожидали. Штурмовик коснулся земли, пробежал, погасив скорость, Иван направил самолет к месту стоянки, где механик махал шлемом и что-то кричал, наверное: «Давай сюда!» Какая радость видеть живых и радующихся, таких, казалось бы, безмерно любящих тебя людей. Группой стояли другие экипажи эскадрильи, ожидали Ивана и Васю. Иван только сейчас ощутил, в эту еще прохладную весеннюю погоду, насколько была мокрая его гимнастерка на спине. Спрыгнул на землю и вместе со стрелком пошел осматривать самолет.

Иван уважал этот самолет, он начал летать на нем еще до войны. Случилось так, что их, молодых военных летчиков, готовили к отправке на переучивание на тяжелые бомбардировщики и они должны были уезжать через час-другой с подмосковного аэродрома, где дислоцировался авиационный полк и обучали летать летчиков из спецшколы. Чтобы не было скучно да и не голодать, решили отправить гонца за покупками в городок, а так как никто не жаждал ехать туда, тянули спички, одна из девяти была сломана, и досталась она Ивану. Все шло хорошо, Иван закупился необходимыми продуктами и бежал на остановку, как вдруг увидел командирскую эмку, скрываться было поздно. Эмка остановилась, командир полка чуть привстал и раскатистым голосом пробасил:

– А что ты делаешь здесь, голубок? – Он всех офицеров называл голубками, помнил всех пофамильно и, не ожидая ответа, продолжал басить: – Ты же, Кекух, должен убыть в командировку, а ну, садись, – уже с раздражением произнес командир полка и пропустил Ивана на заднее сиденье.

В дороге он молчал, видимо, при водителе не хотел устраивать разнос Ивану. Только выехали за городок, как эмка вильнула вправо и остановилась.

– Что там у тебя еще? – повернув голову в сторону водителя, басил командир. Оказалось, пробито переднее колесо. Пока его меняли на запасное, а оно оказалось ненакачанным, пока насосом водитель и Иван поочередно накачали его, командированные убыли с аэродрома. Командир был зол, он хотел произнести напутственное слово перед отбытием молодых офицеров, а сделал это комиссар полка. Он уже собирался устроить разнос Ивану, но все увидели, как, поднимая пыль, в их сторону едет легковая машина. Командир полка надел фуражку, поправил гимнастерку и шагнул навстречу приближающейся машине. Оказалось, это директор местного авиационного завода приехал просить о помощи, ему требовался срочно летчик. Так и решилась тогда судьба Ивана, поменялась его жизненная дорога. Он оказался под рукой, как сказал командир, и был откомандирован на тот завод. А там изготовили первые штурмовики, и надо было их облетать, вот и потребовался военный летчик. С тех пор Иван и летает на «горбатых», как потом прозвали этот штурмовик за его фюзеляж. Если смотреть со стороны на самолет, то кабина летчика выступает как горб у человека, а когда добавилась кабина для стрелка, то кличка «горбатый» прочно закрепилась за самолетом, немало было придумано летчиками по этому поводу шуток, острот и даже легенд. Командировка у Ивана затянулась: то его заводские летчики обучали премудростям нового самолета, то он помогал облетывать самолеты, сделанные на заводе. А потом грянула война, и вскоре завод приказали перебросить подальше к Уралу. Дали всего десять дней на это непростое дело. Как прикомандированному пришлось Ивану включиться в выполнение ответственного правительственного задания. Изготовленные опытные самолеты он перегонял к Уралу, а дальше это стало его служ-

бой, только перегонять штурмовики уже к фронту. Первый такой полет он хорошо запомнил. Вылетел утром с заводского аэродрома на самолете, который только что выгнали из цеха, да недолго продолжался полет. Перестал слушаться самолет Ивана и начал медленно снижаться, что Иван ни делал, самолет снижался, а внизу лес, еще немного – и поминай как звали. Иван начал говорить с самолетом, нажимал на все педали и вдруг почувствовал, что снижение есть, но не такое быстрое, а впереди поле и дорога, туда и направил «горбатого» Иван, совершил посадку на брюхо. А потом искал способы и пути, как его доставить в армейские мастерские, и вместе с техниками восстанавливал там поврежденный самолет. Вот тогда он познал этот самолет и зауважал за его простоту в ремонте и надежность, но услышал и немало едких слов в адрес самолета, часто в разговорах проскакивало слово «гроб». Беззащитным он был перед немецкими истребителями, не мог им противостоять. «Вот бы для стрелка с пулеметом нашли место позади летчика», – с горечью говорили фронтовые летчики. И вскоре Иван перегонял и такие двухместные штурмовики. Просился он на фронт, доказывал, что самолет хорошо знает и управляет им отменно, но у директора завода были свои планы. Только в конце сорок второго, когда он пригнал очередной самолет на полковой аэродром, выяснилось, что экипажей в полку нет, а задача на вылет была поставлена в категорической форме. Тогда Иван и попросил разрешить сесть за штурвал уже снаряженного к боевому вылету штурмовика. Командир полка только рукой махнул:

– Давай выручай, лейтенант.

И Иван полетел в паре с командиром эскадрильи. Вернулся, приземлились на аэродроме, голова гудит, в горле пересохло, ступил на землю, от напряжения закачало. А когда обошел штурмовик, всем телом ощутил, что такое война: пробойн было не сосчитать, были пробойны и под кабиной, видимо, спасли жизнь Ивану установленные бронированные щиты. Только начал Иван успокаиваться, как снова поступил категорический приказ на вылет, и вылетели тогда все летчики во главе с командиром полка. Половина их не вернулась, а Иван снова был цел и невредим. Командир полка в тот же день доложил командиру дивизии, и тот разрешил оставить Ивана в полку, а вскоре он был зачислен в штат полка. Так снова разошлись пути-дороги в жизни Ивана, и летает он уже в этом полку почти полтора года, стал командиром звена, получил старшего лейтенанта и был награжден орденом.

– А зацепил нас немец, смотри, Вася. – Конец левого крыла был продырявлен.

– Ничего, командир, это быстро залатают, – улыбаясь констатировал Вася, и они направились к командиру эскадрильи и другим экипажам.

– С возвращением, Ваня, мы уже заждались, – протягивая руку, приветствовал Ивана комэска капитан Березкин.

– Карулин вот еще не вернулся, куда он отвернул после штурмовки, ты не видел?

Они начали обсуждать этот боевой вылет. Он был не совсем удачным, это чувствовали все, кто вылетал на боевое задание. Развеселил немного экипажи рассказ Ивана об атаке мессеров.

– Два истребителя на один штурмовик – это много. В рубашке ты родился Ваня, – подвел итог комэска.

Молча еще минут десять стояли, ожидая, не послышится ли звук «горбатого». Так и не дождавшись экипажа лейтенанта Карулина, пошли к землянке. Иван шел не спеша, тело немного подрагивало, и чувствовалась усталость, но настроение было жизнерадостным, все вокруг говорило – жив, и он с радостью рассказывал, как ушел от мессеров.

Ужин в столовой летного состава проходил в молчании. Этот день для полка был неудачным. С боевых заданий не вернулись два экипажа. Случай с экипажем Ивана несколько менял картину, получалось, и самолет спасли, и сами вернулись, да еще выяснилось, что один из мессеров в том бою был подбит. Ивану пришлось до ужина рассказать не меньше трех раз, как

помогли ему родные овраги немцев перехитрить. Ужин уже подходил к концу, когда вдруг комэска, который сидел рядом, хлопнул Ивана по плечу и восторженно произнес:

– Повезло тебе, Иван, сегодня, должно еще повезти. Ты говорил, что здесь недалеко твоя родная деревня, пойдем к командиру полка просить, чтобы отпустил тебя слетать домой на один день. Мало кому выпадает, чтобы наши пути-дороги проходили рядом с родным домом.

Командир полка, уставший и раздраженный неудачными вылетами, без энтузиазма встретил предложение командира эскадрильи отпустить Ивана к родным. Молчали все, кто был на командном пункте. Конечно, такое бывает редко, что проходишь дорогами войны недалеко от своих родных мест. Но бывает. Что значит слетать за сто верст? Куда, зачем, с какой надобностью, когда каждый экипаж на счету, а тут надо отпускать на целые сутки. Такие мысли были в голове многих, кто сидел рядом с командиром полка. Иван уже собрался уходить, но встретил взгляд командира и почувствовал перемену в его настроении.

– Начальник штаба, а может, отпустим, пусть слетает на воздушную разведку и доложит потом, что и как там.

– На воздушную разведку можно, – в тон ответил начальник штаба, и все вокруг заулыбались.

– Пиши приказ, а ты готовь самолет, – кивнул косматой головой в сторону комэска, – определи ему маленький У-2.

– Можно там посадить такой самолет? – уже по-деловому, взглянув на Ивана, спросил командир полка.

– Так точно, товарищ подполковник, можно.

– Давай лети, завтра в четырнадцать ноль-ноль доложишь. И смотри не подведи, не посмотрю, что орденосец.

Назавтра Иван на маленьком, по сравнению со штурмовиком, У-2 вылетел в сторону родной деревни. Лететь было недалеко, на тихоходном самолете около часа. Стояла облачная погода, поэтому полет проходил на малой высоте. Иван не получал вестей от родных с начала войны и теперь с тревогой думал о встрече. Вылетая на боевое задание или возвращаясь, сколько раз видел внизу горящие деревни, да и сам сколько сбросил на землю смертоносных бомб! Падали они и на дома, в которых, возможно, были люди. Только тогда об этом не думал, там бой, стреляют отовсюду, и отовсюду тебя может настигнуть смерть. Да и о смерти не думал, трудно вспомнить, о чем думал, когда стрелял из пушек, пулеметов и сбрасывал бомбы. Прицеливаешься, управляешь самолетом, в то мгновение тобой совершаются действия, тебе неподвластные.

Пора снижаться, определил Иван, похоже, впереди внизу – районный городской поселок. Самолет снизился, и можно было рассмотреть сверху улицы, по которым пробегал или проезжал на телеге в те годы, когда был подростком. Здесь, можно сказать, определился его жизненный путь. Приехал он в район после школы искать свое пристанище в жизни, хотелось сделать что-то необычное, а получилось вначале, казалось бы, совсем худо. Засмотрелся по сторонам, читая вывески на дверях, и налетел на молодого мужчину, разлетелись по сторонам свертки на проезжую часть дороги, Иван сразу хотел кинуться убежать, да остановило его что-то. Стал он помогать тому мужчине собирать разбросанное и все говорил, что не хотел так. А мужчина не закричал, не зашумел, а когда собрали все, вдруг спросил:

– А звать тебя как? – и руку протянул.

Оказалось, что это начальник районного ОСОАВИАХИМа, он-то и направил Ивана в аэроклуб. Когда Иван приезжал домой на побывку, он всегда заходил к Петру Матвеевичу и чем мог благодарил его.

«Поселок почти весь разрушен, значит, и здесь наши лежат, и сколько их вот в таких поселках и деревнях нашли свое последнее пристанище», – такая горестная мысль посетила

Ивана от увиденного. Определил дорогу до своей деревни и полетел вдоль нее. Возле дороги видна подбитая и сгоревшая техника, похоже, работали наши штурмовики. А вдали должна была быть видна деревня, забило сердце. Еще издали определил, что деревня цела. Да, видны улицы и хаты, здесь, со стороны поселка, несколько домов сгорели, а вон и дом родной. Восторг охватил Ивана, дом целый! Он пролетел вдоль улицы. Весенний день тянулся к закату, во дворах кое-где были заметны люди, сделал разворот и увидел на огороде возле дома отца, Иван засмеялся и ощутил великую радость. Отец вилами что-то сгребал, наверное, готовили к посеву огород, а вверх не посмотрел, не думает он, наверное, встретить сына.

Иван мысленно выбрал место для посадки самолета еще до подлета к деревне. Это был небольшой лужок недалеко от первых хат, где всегда пасли телят, свиней, прогоняли стадо овец. Лужок был ровный, без рытвин и канав, и подходил для взлета и посадки такого самолета. Похоже, война миновала это место, и сверху казалось, что лужок таким и остался, каким был прежде. Самолет пробежал легко и остановился. Иван заглушил мотор, снял шлем и медленно начал спускаться на землю, улыбаясь и чувствуя радость и гордость. Он орденосец, старший лейтенант, прилетел в деревню к отцу и матери.

А к самолету уже бежали мальчишки. Слышны их крики – самолет сел.

Иван достал два увесистых вещевых мешка, собранных в эскадрилье. Гостинцы домой, а какие гостинцы – продукты, питание нужны в деревне. Не подумал, что могут подбежать деревенские мальчишки. «И как было бы хорошо их чем-нибудь угостить», – думал Иван и вспомнил о двух плитках шоколада. Достал их, а мальчишки уже подошли совсем близко и следили, что делает летчик.

Для них это было чудо. Сел возле их деревни наш самолет. Глядя на эти любопытные и горящие глаза, у Ивана подступил ком к горлу от нестерпимой любви и жалости к этим мальчикам. С каким восторгом он мальчишкой узнавал о полетах наших знаменитых летчиков, и была мечта стать только летчиком, да и кто тогда не восхищался героями, спасавшими челюскинцев перелетом через Северный полюс!

Ближе всех к самолету стоял со светлыми нестриженными волосами невысокого роста мальчик. Держал руки в карманах и с вызовом смотрел на Ивана. Вид его говорил: мы и не такое можем, нам бы только скорее подрасти.

– Ну, здравствуй, герой! – приветствовал Иван мальчика и в его лице всех сбежавшихся мальчишек.

Видно было, что к самолету направляются и взрослые.

– А орден у тебя за что? – вдруг дерзко спросил мальчик.

Ивану понравился неожиданный вопрос, и он в таком же тоне ответил:

– Военная тайна, не всем велено знать.

– Ты что, к партизанам летал или наших разведчиков в тылу немцев высаживал?

– Ты, вижу, о войне многое знаешь. За сбитые немецкие самолеты и боевые вылеты орден.

– Так тебе и поверили, на таком, как твой самолет, немца не собьешь.

– Ладно, твоя взяла, прими от нашей эскадрильи подарок, – и Иван протянул мальчику плитку шоколада.

– Да что мне этот шоколад, отдай лучше Кольке Мирку, у него и мать, и сестра болеют.

Так неожиданно разговор приобрел совсем другое – далеко не радужное течение.

– Тогда держи еще одну, – Иван отдал другую плитку Кольке.

– Бери, Колька, в районном центре на хлеб обменяешь, ото радость будет, – подал голос высокий чернявый мальчишка, что стоял позади светлоголового.

– А ты зачем сюда залетел? – опять со строгостью спросил светлоголовый мальчик.

– За выполнение боевого вылета от командира полка получил поощрение: один день отпуска с посещением родных, а чтобы успеть за сутки, дали самолет, – уже не улыбаясь, отвечал Иван.

– А отца твоего как звать? – уже с опаской спросил мальчик.

– Я вырос и жил здесь, а перед войной поступил в аэроклуб, с тех пор и летаю. Зовут меня Иван, а отца Нил, по фамилии Кекух. Знаешь, где живут?

– А кто же не знает, все в селе знают, где Нил живет. Они живы и здоровы, вот тебе обрадуются. Да всем в селе радость какая: живой орденосец, еще и на самолете. Такого во всем районе не случилось. А то все похоронки да похоронки. Ты за самолет не бойся, мы охранять будем.

– Только смотрите близко костер не разжигайте.

– Не маленькие, сами знаем, – по-взрослому отвечал мальчишка.

– А тебя как-то зовут?

– Миша зовут, Миша Пивень, отца звали Семен, он погиб на фронте, похоронка пришла недавно, он танкистом был. Геройски погиб в прошлом году, погиб весь экипаж, так и написал в письме командир их полка. Похоронка и письмо только недавно пришли. Оно известно: от немцев наши места освободили всего месяц назад.

«Война не по годам сделала взрослыми этих мальчишек», – подумал Иван. Вскинул за плечи два вещмешка и в сопровождении мальчишек направился к дому. Впереди мчались мальчишки поменьше и на ходу кричали: «К Нилу сын прилетел, орденосец!»

Радость возвращалась к Ивану, радость встречи с отцом, домом, родной деревней.

До первых хат от самолета было совсем недалеко, может, шагов двести, может, чуть больше, Иван это расстояние преодолел в сопровождении ватаги мальчишек. Улыбка не сходила с его лица, первым навстречу ему вышел Федос, их сосед через один двор, шел, протянув руку для приветствия, и тоже улыбался.

– Фронтовик, Нилов сын, да тебя совсем не узнать, какой молодец, офицер с орденом, живой, – жал руку Ивану, потом обнял его, как это делали пожилые люди, и вдруг, припав к плечу, всхлипнул:

– А мой Коля погиб, похоронка пришла, одни остались с бабой, под Ленинградом в братской могиле похоронен.

Улыбка сошла с лица Ивана: и здесь война. А навстречу уже бежала мать.

В белом платочке на голове, видно, быстро переодевшись в выходные одежды. Она простерла руки и, покачиваясь, шла навстречу сыну.

– А, Ванечка, сыночек ты мой, – нараспев повторяла она со слезами.

Иван, отстранил Федоса, шагнул навстречу, обнял мать и крепко прижал к груди.

– Сыночек ты мой, живой, – продолжала со слезами шептать мать.

У Ивана стиснуло горло.

– Мама, все хорошо, вот залетел к вам. Живой и здоровый.

– Слава Богу, сынок, здоровый.

Возле калитки стоял отец, вокруг Ивана собрались соседи, мальчишки отошли за взрослых, каждый хотел что-то сказать, спросить. Слышались слова «орденосец», «справный хлопец», «летчик». Потом заголосила женщина: «А моего сыночка убили, убили изверги, он уже не вернется!»

– Да Ганна, перестань причитать, посмотри, офицер, орденосец, отпуск дали, ото заслужить надо.

Иван отпустил мать и встретился взглядом с отцом. Постарел отец, и мать стала худенькая, соседи постарели. Люди вокруг улыбались, начала появляться улыбка и у Ивана. Он шагнул к отцу, обнялись и стояли несколько секунд, прижавшись друг к другу.

– Сила у тебя, сын, есть, молодец.

– Кормят, наверное, хорошо, – кто-то подал голос.

– Пойдем, сын, в хату, ты на сколько к нам?

– Завтра к четырнадцати ноль-ноль должен быть в части.

Мать снова заплакала:

– Сыночек, так мало у нас побудешь.

– Время военное, мама.

Их разговор перескакивал с одного на другое: то они начинали о родственниках, о похоронках, о председателе колхоза, об урожае и как управиться с посевной на огороде, когда на весь колхоз осталось четыре-пять лошадей, и как их допроситься, может, придется впрягать корову.

Мать вдруг заголосила:

– Ой, Ванечка, сынок, а я тебя и не покормила, ты же, поди, голодный.

– Давай, мать, что там у нас есть, могут люди вечером прийти, готовь, тогда уже и будем обедать и ужинать.

Иван встал, развязал свои мешки и начал доставать содержимое. Доставал банки с тушенкой, галеты, сахар, а когда развернул бумагу, по хате пошел запах колбасы.

– Это наши ребята собрали и просили передать.

– О, божечка ты мой, сколько же всего, мы давно такого не видели и забыли, как оно выглядит.

– Немцы все вывезли, чем будем сеять огород, не знаем. Отец прикопал в яме, что прошлым летом собрали, еще не смотрели, может, мыши поели, – говорила и говорила мать от радости и волнения.

– Тогда я приготовлю на стол, может, и председатель колхоза подойдет.

Иван с отцом вышли во двор.

– Опустел двор, и огород пустой, – вздохнул отец, – слава Богу, сумели корову сохранить, вот думаю навоз вывезти, а без навоза слабый урожай получается. У других еще хуже, остались одни бабы, а что они могут, баба есть баба – и помощи никакой. Надо колхозные поля сеять, а кто будет это делать? Опять бабы да нас, четыре мужика белобилетчика, на всю улицу. Пойдем, сын, если придет председатель, попроси у него коня посеять картошку. Фронтовику не откажет.

Вечером в хате было людно. Собрались соседи, пришел председатель, полный мужчина со шрамами на лице.

– Списали по полной и направили сюда колхоз поднимать. Все вывезла немчура, ничего не оставили, наши пришли всего месяц назад, бои были, сколько мин пооставалось, снарядов, техники разбитой. А посевная на носу, – то ли оправдываясь, что не на фронте, то ли радуясь встрече с фронтовиком, говорил, напрягаясь, председатель.

Пахло тушенкой и еще чем-то съестным и вкусным. Шли разговоры о фронте, немцах. Давно не было в хате Нила такого количества людей. Нил суетился, думал, как посадить людей, а куда посадишь их, что есть в доме – то и все, другое не найдешь. Потом махнул рукой:

– Кому где есть, там и садитесь.

Начали усаживаться, мужчины сели на скамью, часть женщин села на кровати, на лавке у печи, часть стояла, прислонившись, у двери. Иван сидел в красном углу под иконой. Он наклонился и достал фляжку.

– Давайте наркомовской за нас, живых.

Еще больше зашумели, задвигались люди.

– Мать, давай, с чего будем выпивать, – сказал жене Нил.

У двери стояла немолодых лет женщина. Она подняла руку и заговорила громко:

– Нил, плесни в бутылочку, ничего не осталось на нашем медицинском пункте, укол кому давать, как без протирки?

– Давай, Матвеевна, кому-кому – а тебе надо.

Иван взял 150-граммовую бутылочку и полную ее налил. В хате было тихо.

– Спасибо тебе, Иван Нилович, я через уголь процежу, и будет как спирт, – продолжала фельдшерица.

Иван стал разливать оставшуюся наркомовскую водку, выпивали по очереди из трех стаканов и кружки.

– Ото, крепкая, точно спирт, – весело звучали голоса.

Опять пошли разговоры, был и плач, были споры, проклинали фашистов и спрашивали, когда добьем Гитлера. Потом вспомнили тех, кого уже нет в живых. Подвешенная над столом газовка тускло освещала комнату и восторженные лица людей. У собравшихся был великий праздник: на побывку с фронта прибыл их односельчанин, орденосец. Разошлись за полночь.

Иван вышел из-за стола и всех благодарил, а, когда подал руку председателю, отец тоже стоял рядом и тихо заговорил с председателем:

– Фома Ильич, может, поможешь конем? Посеять надо огород.

Председатель вздохнул:

– Что-то, Нил, придумаем, не оставим людей в беде. Пусть там быстрее фашистов добивают и возвращаются.

Иван вышел на улицу, недалеко от самолета горели два костра.

– Охраняют. Война научила детей.

– Давай, фронтовик, возвращайся с победой, ждем тебя дома, – председатель пожал еще раз руку и заспешил по делам. Иван стоял с отцом и смотрел в сторону костров. Отец вздохнул и тихо спросил:

– Так ты опять на фронт?

– Нельзя подвести командира полка, обещал быть сегодня к двум часам. Война будет еще долго, силы у немцев еще есть. Да и у наших все больше техники поступает, воевать научились. Надо же эту нечисть добить. Никто ее не добьет, кроме нас... Пойду посмотрю, как там охраняют самолет, – и Иван направился к костру, который был ближе к улице. Не доходя до костра, он услышал детский голос:

– Стой! Кто там идет?

– Это я решил проверить, как вы самолет охраняете, – в тон ответил Иван.

Мальчик шагнул навстречу, приложил руку к кепке и отрапортовал:

– Товарищ старший лейтенант, самолет находится под надежной охраной.

– Ты здесь один?

– Нас двое, возле того костра второй номер Петька Устиньин.

– Вы вдвоем на смене?

– Как прокричит еще раз петух, пойдем будить третью смену. Они там, в шалаше, спят. А петухи в селе недавно появились, когда фрицы здесь стояли, их не было слышно.

– А смены кто у вас определяет?

– Мишка Пивень, он у нас командир. Он смелый и фрицев не боялся. Когда облава была, он двоих так спрятал, что их никто не нашел. А еще в комендантский час полицаи гнались за городским, так он его из-под их носа увел. То был наш человек.

– А где у вас шалаш?

– Здесь, рядом, – и мальчишка указал рукой, где виднелся шалаш.

Иван подошел к шалашу. Сделан он был добротнo, вход закрыт материей от плащ-палатки. Иван заглянул внутрь: на соломе, укрывшись шинелями, спало несколько мальчишек. Вот какое оно, детство, и вспомнилось его ночное, печеная картошка и кукуруза. Сладкая то была у Ивана мысль.

Иван прикрыл полог, тихо отошел, достал из кармана сухую галету и протянул мальчику:

– На, погрызи, чтобы не спалось, – и зашагал домой.

Утром в их двор уже никто не заходил, председатель колхоза собирал людей на посевную, планировалось, что за плугом будет Нил. Пусть с сыном побудет, на том и порешили, а за плугом пошел Федос.

Нил с Иваном вычищали из сарая навоз и складывали его возле двери, почти не разговаривали.

– Как-то вывезу понемногу и раскидаю по вечерам, – говорил отец.

Провожали Ивана те же мальчишки, отец с матерью да соседка. На посевной люди. Деревня, скрипя от натуги, горя, скудного пропитания, забот о хлебе насущном, с надеждой и верой продолжала свой жизненный путь. Когда Иван, попрощавшись со всеми, подходил к самолету, строевым шагом к нему направился тот белоголовый мальчуган – Миша Пивень. Лицо его было строго и торжественно, он остановился и приложил руку к кепке. Иван тоже остановился, стал по стойке смирно и приложил руку к фуражке для военного приветствия.

– Товарищ старший лейтенант, орденосец, самолет цел и невредим. Пост сдал, – громко отрапортовал мальчуган.

– Пост принял, спасибо за службу, товарищ часовой, – тоже строго ответил Иван.

Иван сделал несколько шагов, потом повернулся:

– А это тебе, Миша Пивень, награда от орденосца, – и протянул мальчишке летный шлем.

Мальчик подошел, взял шлем, надел его.

– Служу трудовому народу! – приложив руку к шлему, отрапортовал белоголовый мальчуган Миша Пивень.

– Все от самолета.

Иван сел в кабину, осмотрелся, помахал рукой и запустил мотор.

Внизу долго были видны машущие руками люди. Осталась позади родная деревня, отец, худенькая мать. И как-то незаметно мысли перенеслись в эскадрилью, к той обстановке, в которой жил уже второй год.

Впереди была война, было еще больше сотни боевых вылетов на штурмовки, были сбитые немецкие самолеты, были тяжелые потери и звезда героя. Пути-дороги уберегли Ивана от снарядов зенитных орудий, пушек немецких истребителей, шальной пули и привели в небо над Берлином, где завершился его боевой путь и продолжился путь служения в мирной жизни.

07.01.19. Чамры

Праздник Победы (повесть)

Солдат-пехотинец в Красной армии с октября сорок первого по май сорок пятого.

На фронте – больше года. На передовой – более семи месяцев.

В госпиталях – около года. На обучении и перегруппировках – около года.

*За войну пришлось в рукопашную, или, как он говорил, иттыковую атаку, ходить два
раза.*

Часть первая

Мама

Арина медленно шла по тропинке с двумя ведрами воды. Ходить за водой к ручью было большой радостью для жителей деревни, вернее сказать, для женщин. Ручей больше называли озером. Он протекал по низинке из дальних мест, и немногие знали, где его исток. Возле деревни он образовывал небольшое озеро и дальше бежал не спеша к реке, до которой было верст семь. В озере били ключи, вода в нем зимой не перемерзала, а летом мало кто отваживался там купаться, близко к берегу не подпускали домашних животных. Оно для большей части жителей деревни было священным, а для некоторых – заколдованным. Разные истории передавались в деревне от стариков к взрослым и детям. Одна о местном кузнеце. Как-то заругался он матом у воды, выпил той воды, отошел несколько шагов и на тропе умер, и вышла назад из него вода зловонная. Стали замечать, только мужики соберутся у озера и полетели матерные слова, а потом кто-то крепко заболел или еще хуже. И перестали туда мужики проходить, а тем более ругаться. Почему воду из озера носили только женщины, сказать толком никто не мог. Ходить к озеру для женщин было целое празднество, обычно надевали одежду поновее и почище. Несли воду на коромысле. Каких только ни делали коромысел. Старались сделать его гибким, легким и тонким, украшали резными узорами, красили в яркие цвета. Ремесло коромысел достигло, казалось бы, совершенства, но находился новый мастер, который делал для своей жены или дочери более необычное, чем было до этого. Женщины постарше наберут воду, и пойдут у них разговоры о житье, да и мало ли о чем могут они говорить. Женщины помоложе не задерживались у озера, набирали воду и несли ее плавно и бережно, как самое дорогое, что у них есть. Учились они носить воду, чтобы получалось это плавно, ведра не качались и никак невозможно было расплескать воду на землю. Приходили туда женщины, которым подходил срок рожать, разговаривали сами с собой или с будущим ребенком, брали немножко воды и омывались, и роды проходили легко, не зря в семьях было не менее семи детей. Так учили старухи, коим было уже за восемьдесят. Молодые девушки старались нести ведра быстро и показать свои умения, привлекательность и грацию. Но мало у кого получалось вот так сразу нести воду, как это делали пожилые женщины. Каждая из них делала это по-особому: то ли шаг, то ли коромысло лежало на плече или шее, то ли рука поддерживала, то ли руки ходили свободно, и многое другое различало каждую из них. Поднимешься по тропинке – вот перед тобой деревня, почти вся, летом утопает в зелени, а зимой бело. Живут здесь в основном выходцы из брянских мест. Переселенцы остановились здесь и осели. В жены стали брать девушек из ближних мест – башкирок. Жили дружно и весело. Семьи были большие и родовитые, любили детей, и они росли крепкими и красивыми. А озеро стало священным для них. Когда заболел скотина, напойт ее той водой и она выздоравливала. Воду употребляли для солений и приготовления разной пищи, а еще мыли ею волосы, оттого женщины и были красавицами.

Николай складывал в копну отаву. Ему нравилось работать с травами, сеном, он любил такую работу. Сегодня все получалось как-то торжественно и радостно. С утра рассеялись тучи, выглянуло солнце, стало тепло, зайдешь в тень за копну или в кустарник, где сгребал валки, и сразу свежо – осень. Стал думать, как привезти это сено и где его сложить. Он уже знал, что скоро принесут повестку из военкомата и отправят на фронт. Знал и ожидал со дня на день, и торопился сделать как можно больше дел, где нужны мужские руки. Три сестры уже взрослые, но что они без мужских рук? У старшей своих забот и дети, муж ее Федор уже воюет, вестей от него нет. Вспомнился отец. В прошлом году в этом месте они с ним тоже косили и складывали здесь первый укос и отаву. Тогда вывезли все сено по погоде, а потом довели, когда легла санная дорога. Где отец и что с ним? Как ушел с первых дней на фронт, пришло только одно

письмо из Чаус, что где-то в Белоруссии. Николай видел, как переживает мать и мучается, что от отца нет вестей. А сейчас еще больше замкнулась в себя, чувствует, что придет повестка и ему. Николай был ее любимым сыном. Всех она любила и за всех переживала и горевала, когда кто-то занемог или приболел. Любила она своих детей и гордилась ими. А гордиться было чем. Николая она любила как-то по-особому и невидимо, как ей казалось, выделяла его среди других своих детей. Иногда сердилась на себя за это. Но что поделаешь, наступает минутка, и она незаметно для себя то посидит рядом с ним, то чашку пододвинет с теплым, только что процеженным молоком. И много таких незаметных мелочей и знаков делала для Николая. Вот набирала воду в озере, и брызнула вода ей на ноги, а не зря брызнула. Примета такая – значит, будет весть или еще хуже – уйдет кто-то далеко-далеко. Подняла ведра и поняла, что сегодня будет повестка ее сыну. Поэтому и шла по тропинке медленно, с тревожным чувством. Остановилась, поставила ведра на землю и присела. Давно еще прабабушка много раз говорила ей, что возле озера и когда воду несешь, не нужны худые и тревожные мысли. Принесешь их домой, и останутся они с водой, и будут жить, и могут осуществить печаль. Только куда эту воду девать? Выливать нельзя – еще хуже будет. «Возьму печаль эту себе, – решила Арина, – сколько сил есть, буду ее нести». Стало легче дышать и легче идти. Навстречу шла соседка набрать воды, поравнявшись, проговорила:

– Моему Роману и Коле твоему повестки принесли, завтра они должны на призывном пункте быть.

Пошла, сгорбившись, медленно вниз, к озеру. «Разговаривать с озером будет», – подумала Арина. Ох, сколько же беды и горя эта война принесла! Весной прошлого года вода в озере стала темной и холодной, бабка Анастасия, придя от озера, говорила: «К тяжелой беде это. Будет тяжело всем, и слезы будут, и холод будет, и скоро это наступит». Только бабки Анастасии не стало, похоронили ее в конце весны. «Много горя будет», – только и сказала, и не стало ее. Вот и пришли беда и горе.

Николай уже был дома и встретил мать у калитки, забрал ведра и мог только сказать: «Не горюй, мама, скоро вернусь назад домой и писать тебе буду». Арина остановилась, прижала к себе голову сына и залилась слезами, плакала тихо, а слезы текли и текли. Было чувство беды и предчувствие – вернется. Сердце разрывалось, хотелось закричать громко-громко: «Зачем эта война?! Куда он от меня?!» Пытался тот крик вырваться наружу, но что-то сдерживало и говорило: «Не надо». К ней все слова и слезы пришли и ушли, когда она поднималась по тропинке.

– Храни тебя, сынок, Господь... – Она притихла, положив голову на грудь сыну. Так и стояли они несколько минут, спокойные и счастливые.

Мать провожала Николая до калитки, дальше сил идти не было. Николай обнял мать, потом стал перед ней во весь рост и произнес:

– Мама, не я первый и не я последний, такая доля нам выпала, тебя, мама, не посрамлю.

Сглотнул появившуюся горечь во рту и пошел широким шагом, не оглядываясь, к телегам, где собрались другие призывники. Не было песен, не было звуков гармошки, не было и громких слез, как при отправке первых односельчан на фронт.

Закрутилось, завертелось все вокруг Николая, началась новая ему, неизвестная жизнь. Он неким чутьем понимал, что чем быстрее он войдет в эту новую жизнь, тем будет проще для него самого и всех, кто его окружал. Он старался делать порученное ему не спеша, обстоятельно. Не пытался втереться в доверие к командирам, но слушался и выполнял поручения быстро и аккуратно. Их стали обучать военному делу, занятия шли непрерывно, только обед – и снова занятия, а потом наряд. Спать приходилось мало. На политбеседах узнавали о невестых делах на фронтах. Наши отступали, немцы были недалеко от Москвы. Ближе к концу ноября, поздно вечером, поступила команда приготовиться к отправке, к утру все должны быть обмундированы и экипированы по-зимнему. Ночью подгоняли теплую одежду, тулупы,

валенки, нательное белье. Все понимали, повезут под Москву, там стояли лютые морозы. Николай помогал старшине роты с обмундированием, и между ними завязались простые отношения. Старшина – кадровый военный, сразу обратил внимание на спокойного и расторопного красноармейца, поэтому доверял дела с получением и обмундированием роты Николаю.

Все крутилось в вихре, и через два дня они уже выгружались на полуразрушенной станции. Вот она, война. На станции выгружался полк с вооружением и техникой. Мороз бодрил, пошел снег, а после полудня начало мети. Их зимнее обмундирование спасало и от мороза, и от ветра. Так Николай стал пехотинцем, вооруженным винтовкой, почти фронтовиком. Их все время торопили, и после ужина сухим пайком в теплушке они больше еще ничего не ели. Николай положил себе несколько сухарей и сейчас их грыз, сидя в кузове машины. Их везли к фронту, уже отчетливо слышались разрывы снарядов, стрельба. Возле небольшой деревушки батальон выгрузили, и дальше поротно они совершали марш, каждый по своему маршруту – к передовой. Когда шли, стало жарко, Николай расстегнул полушубок, по снежной дороге в валенках быстро не пойдешь. Темп их был невысокий, да и командир взвода, молодой лейтенант, не торопил. «Придем к месту, будут кормить и будут наркомовские», – такой разговор пошел по колонне взвода. Вдоль дороги начали появляться признаки леса. «Еще с километр – и там отдых и обед», – передал командир отделения. Движение ускорилось, хотя в ногах и во всем теле чувствовалась усталость, но Николай шел легко, как это было возможно в таких условиях. Дорога вошла в лес, стали более отчетливо слышны разрывы снарядов, где-то впереди строчил пулемет. Передовая была близко. Взвод свернул вправо от дороги в хвойный лес, шли по глубокому снегу. Ветви высоких стройных елей были усыпаны снегом, который от прикосновения к ветвям обдавал холодом и мокротой все лицо и норовил попасть за воротник. Вышли на небольшую поляну, где их поджидали трое бойцов в белых масках с автоматами. Николай услышал их разговор с командиром взвода, что впереди, метров через четыреста, передовая. Мы должны сменить тех, кто в окопах.

– Движемся тихо, всякие разговоры прекратить, по одному за мной, – подал команду командир отделения.

Спустились в неглубокую траншею и сгрудились у блиндажа. Командир отделения тихо начал расставлять своих пехотинцев по местам, где им и определялось выполнять задачу. В траншее находились солдаты в шинелях, уставшие, заросшие, но передвигались бесшумно и быстро. Их построили и увели.

– Вот и передовая, – сказал длинноносый пехотинец, которого менял Николай, – там, возле деревни, немцы укрепились и сидят в тепле. Не любят они наших морозов. А вас хорошо одели и правильно сделали. Ну, давай, брат, удачи вам.

И ушли. Николай был назначен в команду вместе еще с двумя солдатами идти за ужином к старшине роты. Вел их командир взвода, которого вызвал к себе командир роты. Николай обрадовался встрече со старшиной, наполнили бачки и ждали командира взвода, так им было приказано. Старшина дал им их пайку и налил по сто граммов водки.

– Давайте подкрепитесь, когда будут вас следующий раз кормить, неизвестно. Утром, похоже, сразу вперед.

Старшина раздавал еду в другие взводы. Николаю хотелось его спросить, хотя о чем спрашивать? Старшина сам подошел к ним, сел возле Николая и, прикуривая самокрутку, заговорил с ним:

– Первый раз в бою? Кто после первого боя живым остается, тот долго жить будет. Могут ранить – заживет, так что давай, Николай, «если раны – небольшой». Когда в атаку пойдете, ты не падай часто на землю, а когда минами начнет закидывать, старайся в свежую воронку лечь и тут надейся только на себя да на Бога.

К ним подошел командир взвода, старшина и Николай встали.

– Все получили? Тогда пошли назад, будем кормить народ.

Раздали пищу, и Николай в небольшом блиндаже, полном солдат, прилег и тут же заснул. Дальше он помнил все какими-то урывками, будто сон. Утром, еще затемно, они были на своих местах в траншее. Их взводу была поставлена задача захватить вместе с первым взводом деревню, до которой по прикидкам больше километра. Было зябко и тревожно. Как идти в атаку, окапываться, стрелять, как действовать в рукопашном бою, их учили там еще, в родных местах. Вспомнились и мать, и отец, и деревня. Только дрожь в теле, и никак ее не унять. Уже передали, в какое время они пойдут в атаку. Командир отделения, пожилой сержант, видно, тоже волновался и уже который раз говорил, что наша задача – как можно быстрее захватить деревню и там закрепиться. Вот они и ожидали сейчас той команды. Раздались выстрелы и взрывы снарядов возле деревни и в самой деревне. Тут Николай услышал громкий четкий голос, как ему показалось, командира взвода: «За Родину! Вперед! Ура!» Он помнил, как вскочил и что есть мочи закричал: «За Родину! Ура!» Бежал и кричал что есть сил: «За Родину!» Он кричал эти слова и повторял их, как молитву. Бежал и что есть мочи кричал: «За Родину!» Как он бежал, падал ли он, стрелял он или нет, – не помнил. Сознание к нему вернулось, когда он спрыгнул в траншею и ощутил толчок. Перед ним стоял командир отделения: «Ложись! Огонь по отступающим! Огонь!» Он бежал, кричал и заставлял стрелять. Николай стрелял, как учили, но, в кого он стреляет, – не понимал. Попадали его пули в цель или нет, он не знал, стрелял, перезаряжал и снова стрелял. Стало как-то зябко, и поступила команда прекратить стрельбу. Николай сел на дно траншеи. Его знобило, и было холодно. Только теперь с изумлением понял, что на нем остались только нательная рубашка, брюки да валенки – тулупа, гимнастерки, шапки, вещевого мешка не было. Начал осматриваться по сторонам, увидел в траншее еще одного солдата в гимнастерке без тулупа. К нему подошел командир отделения, неся солдатскую шинель:

– На, одевай, а то замерзнешь.

Николай взял шинель и хотел ее надеть, как вдруг увидел на рукаве кровь. Отворот шинели был продырявлен и весь в крови.

– Одевай, ему уже не поможешь, а нам воевать надо.

Николай начал оттирать застывшую кровь руками. Мыслей не было. Как-то жизнь остановилась. Он надел шинель, и они пошли по траншее собирать убитых. Были и наши солдаты, и немцы. Немцев выбрасывали за бруствер траншеи, наших выкладывали к печи у разрушенного здания. Недалеко был слышен гул боя. Вдруг что-то завывало и раздались разрывы.

– Ложись, всем в траншею! – крикнул кто-то, и Николай упал на дно траншеи.

Вокруг рвалось и сыпались комья земли, больно что-то ударило по голове, кругом стоял сплошной грохот. Хотелось вскочить и бежать отсюда. Бежать. Стихло, и он услышал голос командира отделения: «Немцы!» Винтовка была рядом, он нашел патроны, перезарядил ее и лег на бруствер траншеи. Сколько длился тот бой, он не помнил, с оставшимися солдатами был переброшен на другой конец дереvушки, и они отражали там очередную атаку немцев. Опять начался обстрел, и так продолжалось до самой темноты.

– Когда же это закончится? – постоянно возникала мысль у Николая.

Поздно вечером Николай был в немецком блиндаже, нашел место у входа, хотелось прилечь и заснуть. Про еду не думал, хотя прошли почти сутки, как он ничего не ел. В блиндаже появился старшина. Увидел Николая и улыбаясь подошел к нему.

– Живой. А я знал, что будешь жив, вот твой вещмешок и твой полушубок. А куда ты забросил гимнастерку, не знаю. Не нашел.

Подавал ему полушубок и мешок.

– Не ты первый. Кто первый раз идет в атаку, часто так бывает, и, знаешь, они остаются живыми. А гимнастерка тебе будет.

Их накормили поздно ночью, только он задремал – разбудили. Командир отделения собирал остатки их взвода в траншее. Холод и усталость сжимали тело, хотелось лечь на дно траншеи и спать. Командир отделения приподнял руку и довольно громко произнес:

– Что носы повесили? Слушай задачу. Сейчас будем совершать марш, к утру надо быть на новых позициях. Там и будем отдыхать.

На ходу Николай засыпал, тыкался в спину впереди идущему и просыпался. Сколько они шли и куда, им было неведомо. Да и зачем это солдату? «Скоро ли придем? Передохнуть бы», – такие думы окутывали сразу, когда натыкался на очередное препятствие. Впереди послышалась стрельба, он не знал, что на них напоролись немцы, которые отходили на другие позиции и сбились с дороги. Завязался бой.

Николай открыл глаза, в стороне был виден свет, ходили люди и тени от света, поэтому, сколько людей и что они делают, понять не мог. Пытался повернуть голову, снова свет пропал. Когда открыл глаза, был день, его несли на носилках.

– Что, очнулся? – услышал чьи-то слова Николай.

Их грузили в санитарные машины, чтобы отвезти на станцию к поезду. Торопились, стояла суета, крики и брань.

– Поезд ожидать не будет, ту-ту – и пошел, а я что буду делать с лежачими? – кричал кто-то рядом с Николаем.

Только сейчас Николай начал ощущать, что он перебинтован и не может пошевелиться. Почувствовал боль, но, откуда она идет, понять не мог. Клонило ко сну. Подняли носилки, боль пронзила все тело. Пришел в себя уже в поезде.

В госпитале он встретил еще одного солдата из своего взвода, который рассказал про тот бой. Из их взвода в живых осталось трое, может, еще кто-то жив, но он видел только командира отделения, да вот они вдвоем. Остальные там полегли, но немцев не пустили дальше, на подмогу подошли остатки роты, добились немцев и взяли несколько человек в плен.

Николай быстро шел на поправку. Писал письма матери, а получил одно и был очень рад, и такая жалость к матери и родному селу была, что слезы выступили. А чтобы время быстрее шло, стал лежачим помогать, да и тянуло его с людьми поговорить. В палате лежал старшина, весь побитый осколками, оказалось, его раны уже четвертый раз в госпиталях зашивают. Говорит: «Невезучий я какой-то, вот уже скоро год, как призвали, а до фронта ни разу не добрался, правда, один раз почти до передовой дошли, и опять ранило. И все эти проклятые немецкие бомбардировщики, до чего же противные, как коршуны с когтями, и, кажется, на тебя кидаются. Всё под бомбежку попадаю, и изрешетят всего, и так уже четвертый раз меня врачи латают. И пришел я к такому пониманию: создали, собрали люди для уничтожения себе подобных разного оружия, и когда оказывалось оно в руках человеческих, то на людей и обрушивалось, где бы они ни находились – на передовой, на марше, в воздухе, в воде или в тылу, не важно. Взял я на себя часть всем предназначенного, может, сохранил других, притянул к себе эти самолеты и бомбы, а они могли быть на передовой сброшены, где шел бой. Получается, что и я был на передовой в бою».

Интересный был человек этот старшина из далекой Сибири и стрелок отменный, много занимательных историй рассказал, часть запомнилась и на душу легла.

Утром зашел врач в палату, осмотрел Николая и говорит: «Завтра на комиссию, выпишивать будем».

Сейчас он опять в той же дивизии, и их перебрасывают к новому месту после доукомплектования. Говорят, наступление будет. Стоял по-весеннему теплый день, уже кое-где начинали работы в огороде. Мысль возвращалась к родным местам, к матери и сестрам. Кто там

будет им помогать с весенними работами? И Николай стал перебирать, что могут дома сделать сами, а где придется, кого-то просить. Самое трудное – это вспахать огород. Конечно, мешки носить – дело тоже нелегкое, но как-то вдвоем можно снести. Так в мыслях и задремал, когда послышалось: «Воздух!»

Колонна машин остановилась.

– Всем от машин, ложись! – неслось над колонной.

Николай спрыгнул, отбежал в сторону и, зацепившись за торчащий пень, упал, больно ударившись боком. Вдруг раздались такой жуткий свист и вой, что он хотел вскочить и бежать, бежать. Он попытался привстать и опереться на руки, но руки не слушались. Почувствовал, будто какая-то сила прижала его к земле и не давала возможности встать и бежать. А вой нарастал, и казалось, земля разваливается. Снова грохот, разрывы, вой. Николай помнил только, как его подняло, а дальше пустота. Война собирала свою дань. Когда пришел в себя, его везли в госпиталь, вспомнил старшина с его повествованием о своих ранениях. Получается, и он, Николай, взял часть причитающегося людям.

В госпитале на этот раз выздоровление шло медленно. Мать прислала письмо, из которого было видно, она очень рада, что он в госпитале. Писала обо всех домашних делах, из письма получалось, что живут они хорошо и весело, только Николай понимал, что пишет мать так, чтобы не огорчать сына. От отца вестей никаких. Николай тяготился лежанием и всячески предлагал помочь по палате. А больше всего хотелось ему что-нибудь делать на улице, на свежем воздухе. В палатах как-то притихли все, тревожные шли сообщения о положении на фронте. Из госпиталя его выписали, когда уже лето пошло на вторую половину. Жаркое лето.

На плоты грузились ночью. Старались не шуметь и выполнять все быстро. Николай переправлялся на вражеский берег на плоту, на котором находился командир батальона. Николаю определили место в конце плота, он должен был длинным шестом толкать плот и управлять им. Командир батальона, майор, был невысокого роста, но крепкий. Ноги толстые, и стоял он на них уверенно и ходил, немного загребая левой ногой, но это было видно, когда на него смотришь сзади. Сила в нем чувствовалась недюжинная, его в батальоне уважали и боялись. Ни одно предложение в его речи не обходилось без мата. Он и хвалил, и ругал матом.

Батальону предстояло переправиться на другой берег реки, захватить плацдарм и удерживать его. «Вглубь не продвигаться», – так была сформулирована задача командиром взвода, старшим лейтенантом, перед самым выходом с занимаемых позиций. Батальон укомплектовали недавно, но за короткое время во взводе уже гласно или негласно сложили свое мнение почти о каждом вновь прибывшем. Что узнавали о новичках в тех условиях? Давно ли служит, участвовал ли в боях, а не земляк ли? Дальше разговор шел о жене, есть ли дети, живы ли родители. Накануне с того берега вернулись разведчики, их у реки встречал наш дозор. В дозоре было трое: пожилой сержант и Николай с солдатом-одногодком, который прибыл с пополнением и был в таком деле первый раз. Конопатый, с небольшими глазками и с улыбкой, которая не сходила с лица.

– Как там? – спросил шепотом сержант.

– Скоро узнаешь, – в шутку ответил разведчик. И они пошли незаметно вдоль берега, видимо, докладывать командиру.

Вообще-то, разведчики – народ неразговорчивый и очень уж гордый. Но их уважали, непростое это дело – шастать среди немцев в их тылу. На этом участке было как-то необычно тихо. Сменили их дозор на самом рассвете. Николай уже клевал несколько раз носом, тихо сопел сержант, видно, спал, но спал чутко и тревожно. Конопатый лежать спокойно не мог, все время что-то поправлял, двигал ногами, поворачивал туда-сюда голову. Николаю пришлось тихо произнести: «Беспокойный ты, не торопись, хватит и на тебя войны». Он толкнул сержанта ногой, и тот проснулся, к ним тихо подползала смена. Вернувшись во взвод, они отды-

хали недолго. Как говорил сержант – только прикорнули, как командиров отделений вызвал командир взвода. Сержант пришел назад быстро. Ставилась задача готовиться к переправе. Когда переправляться, не уточнялось. Оно и так понятно.

– Скорее всего, ночью или завтра утром, – подытожил сержант свое краткое сообщение. – Мы будем сооружать плоты со всеми мерами маскировки, комбат просил передать, что ноги повыдергивает, если вскроется подготовка.

Непростым делом оказалось строительство плотов. Только к полудню начало проясняться, как и что нужно делать. Ближе к вечеру два плота были готовы. Проверить, как идут дела, прибыл командир батальона, его сопровождал командир взвода. Комбат был в маскхалате, подошел к плотам и разразился такой бранью, что притихли в лесу птицы. Николай с конопатым принесли бревно и так и застыли с ним, слушая разнос комбата. Так же внезапно майор прекратил разнос и начал по-деловому объяснять, что, зачем и куда. Работа пошла быстро, майор, работая, со всеми шутил и расспрашивал. Николай вместе с ним связывал бревна и отвечал на его вопросы, а еще поражался его разговором одними матами. Видно было, что он человек незаносчивый и необидчивый, но строгий, когда касалось дела. Через час общения он полюбился солдатам, и, когда попросил табачку, к нему потянулось несколько рук, а взял он самокрутку солдата в годах, которого звали все Лукич. Он прибыл в батальон недавно, но, как выяснилось, уже побывал в бою.

– Ишь, как ладно скрутил, – и добавил мат, так он поблагодарил солдата.

– Верчу их с самого детства, как себя помню. По маленству отец еще давал подзатыльник, а потом махнул рукой, – отвечал ему с серьезным видом Лукич.

– Хорошая самокрутка. Ну что, готовьтесь основательно, завтра будем на том берегу, кто там поможет? Ясное дело, немец, – и пошел, косолапя, дальше, где опять был слышен шум, но не такой, как был здесь.

К ночи доставили ужин, выдали по сто граммов водки. Казалось, только прилегли, как уже надо вставать. Чуть начало светать, а плоты уже были загружены и отплывали на другой берег.

Батальон оказался на том берегу без единого выстрела. Быстро были на высотке, что возвышалась недалеко от берега. Здесь, на склоне, готовился командный пункт комбата, связисты тянули провода. Взвод получил задачу срочно окапываться, и Николай копал траншею. Впереди виднелась деревня, их соседняя рота должна была провести разведку и захватить ее. Тихо было вокруг, будто и нет войны. Тревожила Николая тишина. Поднялось из-за леса солнце, вдруг возле деревни послышалась стрельба. «Началось», – подумал Николай. Многие приостановили работу и вглядывались туда, где разгорался бой. Недалеко из уже вырытого окопа за боем наблюдал в бинокль комбат, и было слышно, как кого-то осыпал матами.

Командир взвода отчитывал сержанта, что медленно оборудуются окопы и траншея не готова. Быстрее замелькали лопатки, подносились боеприпасы, правее окопа Николая бронбойщики оборудовали свою позицию. «Неужели танки пойдут?» – пронеслась мысль у Николая. К нему в траншею прыгнул Лукич и, будто услышав раздумья Николая, закуривая самокрутку и кивая в сторону бронбойщиков, произнес:

– Да на войне все может быть: и танки, и самолеты, и артиллерия ударит, и «милый» «Ванюша».

Николай его разговор не поддержал, и Лукич замолчал. Бой откатывался дальше – за деревню. Комбат вызвал двух командиров рот, и было видно, как показывал им что-то по карте.

– Видно, будем менять позиции, – изрек пробежавший мимо них сержант.

– Смотри, связисты зашевелились, значит, пойдем в деревню, – поддержал сержанта Лукич и заспешил в свой окоп.

Вскоре батальон окапывался недалеко от деревни, углубившись от берега реки километра на полтора-два. Подготовленные немцами траншеи оставались позади. Снова рыли окопы и траншеи, немцы пока не беспокоили. Солнце уже поднялось высоко и хорошо припекало, хотелось есть и пить. «Когда будет и будет ли та еда?» – невеселая мысль кружилась в голове. Николай заканчивал маскировать бруствер окопа, как послышался вой и раздались разрывы. Начал стрелять немецкий миномет «Ванюша». «Сейчас задаст», – пронеслось страхом по всему телу. Разрывы мин были видны в деревне. С того берега открыла огонь наша артиллерия. Потом будто время остановилось. Немецкая артиллерия открыла ураганный огонь. Николай сидел на дне окопа, вжавшись в землю. Когда стихло, выглянул и увидел цепь немецких солдат. С наших окопов раздались выстрелы, стрелял и Николай. Потом немцы побежали – и снова обстрелы, немецкие цепи появлялись и отступали. Вечером показались танки, по ним была наша артиллерия, но несколько танков подошли к окопам, один задымил, а два шли по нашим окопам, один загорелся. Николай видел фигуры немецких солдат и стрелял короткими очередями. Живы были и бронбойщики, только они отстреливались из автоматов. Наконец и прорвавшийся танк задымил.

Николай сидел на дне окопа, болела голова, очень хотелось пить, отстегнул фляжку и сделал несколько глотков. Начал более осязательно воспринимать окружающий мир. Оставалось совсем мало патронов, где их взять? Впереди горели танки, лежали немецкие трупы, позади горела деревня, казалось, вокруг нет никого живых. Во всем теле чувствовались слабость и дрожь. Надо было добыть патроны. Николай приподнялся и переполз в соседний окоп. На дне лежал изуродованный взрывом солдат, в стороне валялся солдатский мешок, Николай наклонился и, не опускаясь в окоп, достал его. В мешке лежали граната и патроны, дисков на два. Николай вернулся назад и стал набивать диск автомата. Проверил свою гранату и положил в нишу. Неужели никого нет вокруг? Послышалось, будто кто его звал? Это слышалось. Что же дальше делать? Опять кто-то зовет.

– Никулин, ты жив?

Николай узнал голос сержанта. Выглянув, увидел, как вдоль окопов ползет сержант с автоматом.

– Я здесь, – отозвался Николай.

– Ото, хорошо, Никулин.

Рядом послышался голос:

– Эй, кто там?

– Это, наверное, бронбойщики, – подал голос Николай.

– Ото, хорошо.

Сержант спрыгнул в окоп к Николаю, был он весь закопченный, только сверкали глаза да зубы.

Они молча смотрели из окопа на свою дневную работу. Солнце уже село за деревья, наступали сумерки, было тихо.

– Немцы скоро ползут собирать своих, могут и сюда забрести. А хорошо мы им дали. Давай, Никулин, ползи налево вдоль окопов, а я направо, и, кто есть, собираемся в немецких траншеях.

Они вылезли из окопа и поползли каждый в свою сторону. Окопы то здесь, то там стали оживать. Николаю становилось веселей и радостней. Было несколько раненых, помогали им, выносили из окопов. Вдруг застрочил пулемет – и опять тихо. Есть, оказывается, живые люди.

Из батальона осталось не больше роты. Командира взвода заменил сержант, а Николая он назначил командиром отделения, в котором было шесть солдат. Жив был и командир батальона, его ранило в руку.

Поздно вечером заняли оставленные накануне немецкие окопы у деревни. Ожидали, что с той стороны реки придут части и сменят батальон. Сносили к реке раненых, но подкреп-

ление и смена на эту сторону не переправлялись. Майор в начале ночи проверял, как готовились к отражению немцев. Он шел со старшим лейтенантом, замещавшим командира роты, и ругался. Траншея и окопы были подготовлены для отражения атаки со стороны реки, а не деревни, за это и материл комбат старшего лейтенанта. Николай поднимал уставших солдат отделения и требовал оборудовать окопы по-новому. Кое-что было сделано, но абы как. Люди устали, и к полуночи их сморил сон.

Отделение Николая занимало траншею недалеко от наблюдательного пункта комбата. Не подошло подкрепление и к утру, было слышно, как на этот счет комбат матерился последними словами. Потом успокоился и приказал готовиться к возможной атаке немцев.

Немцы пошли на позиции рано утром, что было редким событием для них. Опять был сильный артиллерийский огонь. Атаку поддерживали мотоциклисты с пулеметами. Цепи немцев были не менее густые, чем вчера, видно, ночью к ним подошло подкрепление. Первую атаку отбили легко. Немцы не стали лезть напролом, а, встретив дружный огонь, отошли, с того берега по отходящей цепи ударили наши орудия. На поле осталось два мотоцикла и несколько убитых. Николай видел, как с НП комбат спустился в траншею и, пригибаясь, шел по ней. За ним, согнувшись, шел сержант и что-то говорил. К нему подбежал старший лейтенант, они залегли в траншее и наблюдали за немцами.

– Они нас не оставят, а пойдут решительно вперед. Возвращайтесь к людям и настраивайте их на жесткий бой. Будет жарче, чем вчера, да и мы стали мудрее и опытнее, каждый из нас пятерых, а то и десятка немцев стоит. Поняли? Тогда пошли.

Не успели они разойтись, как начался артобстрел, все заволокло дымом, спасала немецкая добротная подготовленная траншея. Когда стихла канонада, Николай услышал нарастающий гул в небе, на их позицию делали заход юнкерсы. Кричать «Воздух!» было поздно. Только стихал вой одних самолетов, как появлялись другие. Николай прижался к стенке траншеи, где было место для стрельбы, и вдруг начал читать молитву, которой мать учила в детстве – «Отче наш». Вокруг гудело и стонало, рвалось, что-то взлетело вверх и больно ударило по плечу, а он шептал и шептал для себя непонятные слова. Он не заметил, как все стихло, и очнулся, когда услышал треск автоматной очереди. Когда выглянул из траншеи, немцы были уже недалеко. Кто-то еще открыл огонь, заливались немецкие пулеметы. Наша траншея тоже начала оживать, открыл огонь Николай и вдруг увидел, как по траншее бежит комбат. Он кричал что есть мочи, раненая рука была опущена, в правой держал пистолет.

– Мать вашу, приготовиться к атаке, никому не трусить.

И дальше неслись такие матерные, но такие понятные слова, что, когда он вскочил на бруствер траншеи во весь рост и прокричал: «В атаку-у-у, мать вашу!», Николай вскочил и закричал за комбатом теми же словами, и кричал, и кричал их, и больше ничего не слышал. Атака была такой яростной и неожиданной для немцев, что они вначале ступевались, а потом побежали, повернули назад и мотоциклы. Порыв солдат был такой стремительный, что начали наступать немецкую цепь, часть которой, в страхе бросая оружие, искала спасения от невыносимо жуткой ярости и приближающегося позади крика в маячившей впереди полоске зарослей. Другая, потеряв самообладание, теряла силы, останавливалась и, сраженная, падала на землю. Комбат, как потом рассказали Николаю, был убит, когда наступили немецкую цепь. Залегли сразу за деревней, дальше бежать сил не было, да и цепь уже была совсем жидкой. Николай упал возле гумна, которое осталось целым после вчерашнего пожара, и приготовился к стрельбе.

В это время с той стороны завершали переправу наши части и поднимались уже к высоте возле реки. Как потом говорили, переправился полк и артиллерия. Николай услышал вой, и в глазах потемнело. Очнулся он ночью, услышал тихий разговор и хотел повернуться, но боль ударила с такой силой, что опять потерял сознание. Пришел в себя в госпитале на койке.

– Смотри, ожил, что значит молодой организм.

«Значит, я жив, в нашем госпитале, это хорошо», – пронеслась мысль, и Николай заснул.

Заснул как здоровый и сильный человек, сделавший свою необходимую работу. Через два месяца его выписали из госпиталя.

После боев за Будапешт полк был выведен в резерв для пополнения и отдыха. Их расположили недалеко от окраины города, рядом проходила железная дорога. На железнодорожной станции сохранились здания и складские помещения. В них и разместился батальон, «наш батальон», так уже несколько недель говорил Николай. В эти места они, совершив марш от передовой, прибыли к ночи. Только в конце марша километров пять их подвезли на трофейных машинах. Стояла сырая и туманная погода, на машинах сидели молча, начали замерзать, хотелось есть и быстрее прибыть на конечный пункт. Николай разместился у борта машины и жался одной стороной к соседу украинцу, с которым у него сложились дружеские отношения. Звали его Семен, Семен Игнатович, так он представился в первый раз. Он был старше Николая, человек семейный. Машины остановились, подали команду выгружаться. Разместились только к ночи, донимал голод. Здесь с питанием стало сложнее, на своих землях было проще и веселее, там, где остановился, можно было что-то раздобыть съедобное, а здесь, пока объяснишь, смотрит человек на тебя и улыбается, и черт знает, что у него на уме, да и стыдно как-то просить у чужих. Горячей пищей кормили вчера вечером, и с тех пор только пожевали, что у кого было. Только усталость последних дней давала о себе знать, и многие, только расположившись, сразу засыпали. Согревшись, заснул и Николай. На рассвете подвезли горячую пищу. Просыпались нехотя, но рассвет бодрил. В этих местах уже наступила весна, снега не было, пели птицы, начала пробиваться зеленая трава.

– Погода такая, как у нас в апреле, скоро уже можно ячмень сеять, – говорил Семен, прислушиваясь к пению птиц. – Вот добьем фрицев, может, и к посевной домой успеем.

– А почему их не добить? Вон сколько техники, а в небе их самолетов почти не видно.

– Так он тебе и будет сдаваться, жди, – отвечал Куйсымов, молодой и крепкий татарин.

Обжились на новом месте быстро, и, казалось, война далеко.

– Вот бы простоять здесь, пока не разобьют немцев в Германии, – высказывал свои предположения пулеметчик их взвода, белорус Янка из-под Пружан.

Весна у людей рождала светлые и радостные мысли, тянуло домой, и хотелось жить, работать, сеять. Такие мысли и разговоры все больше и больше захватывали и солдат, и командиров, особенно тех, кто был из сельской местности.

Было предобеденное время, Николай сидел на брошенном ящике для боеприпасов, подставив спину солнцу. Солнечное тепло шло через наброшенную на плечи шинель и растекалось по всему телу, создавая внутри уют и сонливость. «Как же там дома? – неожиданно пришла мысль. – Как там одна мама?» Закрыв глаза и представил двор, дом таким, каким он видел его перед уходом на фронт. Кажется, это было так давно, может, это был сон? Кто же там поможет маме, ведь скоро посевная. И так захотелось ему увидеть мать, обнять и пожалеть ее, что горло перехватило и запершило во рту. Его мысли прервал Куйсымов:

– Николай, строятся на обед. Давай живей, сегодня сытный борщ, после и отдохнем.

Только отдохнуть им не пришлось. Сразу после обеда полк вдруг подняли по тревоге. Прибежал командир взвода, молодой, недавно прибывший лейтенант, от него узнали, что перебрасывают к фронту, там какая-то заварушка начинается, так он сказал.

К ночи полк был в заданном месте. Их батальону было приказано на высоте окапаться и быть готовыми к отражению танковых атак. С высоты открывался красивый вид и местность хорошо просматривалась. Николай копал вместе со всеми траншею, перекуривая стоя, видел, как подтягивались артиллерия и все противотанковые. Это и создавало тревогу, но копать траншею не хотелось, тянуло на разговор. И возникала мысль: «А может, это так: вот выкопаем

траншеи и блиндажи да и бросим, мало ли копали». Невдалеке прошла колонна самоходок. Потом почти всю ночь урчали танки. Командиры все торопили и торопили с укрытиями, окопами, траншеями и ходами сообщения. Подготовка шла по-серьезному. Дальше события развивались совсем хреново, как сказал Янка.

Вот уже третий день отступали. В первый день, вернее сказать, не отступали, а бежали, а если по-честному, то просто драпали. Немцы не давали покоя ни днем ни ночью. Началось все ночью. Обычно ночью немцы не атаковали, так – если разведка боем или вылазка. А это настоящее наступление с артиллерией и танками. Не успели занять гнезда для стрельбы в траншее, как впереди показались танки с горящими фарами. Куда ни посмотришь – фары. Николаю показалось, что он один и нет никого рядом или все погибли или отошли. Схватил автомат и побежал по траншее. Вдруг увидел, как несколько человек выскакивают из траншеи и бегут назад, не мешкая. Николай бросился за ними, а танки были на расстоянии нескольких десятков метров. Снова побежали, не было ничего слышно, а в голове стучало, только быстрее туда, в темноту. Разрывы и зарево горящего танка давали ориентир направления бега. Добежать до лесной полосы, которая шла недалеко от дороги, там, казалось, будет спасение. Николай несколько раз падал, начал задыхаться от бега, споткнулся и упал, хотел подняться, но вдруг получил удар под глаз и снова упал на землю, крутнулся и вскочил на ноги, чтобы бежать.

– Стой, застрелю! – этот крик заставил остановиться.

– Ложись, всем окапываться.

– Вы куда, мать вашу?! – продолжал кричать сержант. – Опять до Москвы драпать собрались?

Николай отдышался, начал приходить в себя. Дело принимало плохой оборот, потерял автомат, оставалась только одна граната. Там, откуда они бежали, были слышны стрельба и разрывы, шел бой. Появилось чувство вины, что бежали. «Но вокруг были танки, и никого там уже не было», – успокаивал себя Николай, продолжая рыть окоп. Но не стихающий бой на высоте говорил, что там держатся и танки сюда не пропустили.

Часть батальона, которая бежала к лесополосе, была остановлена, и сейчас им была поставлена задача прикрывать артиллеристов. В лесополосе, где был Николай, собралось до взвода пехоты, которыми командовал их сержант.

– Окапываться всем вдоль дороги. На той стороне дороги артиллеристы устанавливают свои орудия, будем их прикрывать, – так потребовал сержант.

Николай рыл окоп и думал, где взять автомат, ведь спросят, где оставил свое оружие. Выручил тот же Янка. Он завершил готовить окоп и место для пулемета. Выглянул из окопа и прокричал:

– Давай ко мне, закурим, что ли?

Николай не раздумывая прыгнул к нему в окоп и стал помогать Янку устраивать ниши для патронов и гранат. В углу окопа стоял пулемет и рядом автомат.

– У тебя что, автомата нет?

– Не помню, где его оставил.

– Бери, вон в углу стоит, не знаю чей.

Николай взял автомат, стало легче на душе и во всем теле, захотелось отблагодарить Янку. Прыгнул в свой окоп, достал из кармана шинели банку консервов, которые положил дня три назад, когда были на отдыхе. В кармане нашел два кусочка хлеба и вернулся в окоп Янки.

– Давай перекусим.

Открыл консервы и начал накладывать их на хлеб.

– Как же вкусно, вот бы еще чая попить – и вообще жить можно, – улыбаясь говорил Янка.

Уже рассвело. В этом окопчике было несколько минут другой жизни, без войны. Настроение улучшилось, начинался день. Оба взглянули на небо, которое закрывали тучи. На высоте была слышна стрельба, там продолжался бой.

– Слышишь, наши артиллеристы стреляют, это они танки не пропустили, а мы их бросили и побежали. Жди, сейчас танки по дороге здесь будут наступать.

И действительно, послышалась команда приготовиться к бою.

Сплошной траншеи, как на высоте, не было, вырытые отдельные окопчики кое-где еще продолжали обустройства. Из окопа Николая была видна дорога, которая полого поднималась вверх, вдоль лесной полосы. Правее в километрах трех, на высоте, гремел бой, слева через дорогу была видна позиция противотанковых орудий, возле которых продолжали суетиться артиллеристы. Проходя, полусогнувшись, мимо окопчиков, сержант объяснял, что нельзя допустить немцев как со стороны высоты, где, похоже, бой затихал, так и вдоль дороги.

– Николай, ты как там? – кричал Янка, лежа в своем окопе за пулеметом.

– Похоже, дошла очередь до нас. Там уже наши почти не стреляют.

С высоты в их сторону спускалось несколько немецких танков, урча и коптя моторами, они нехотя разворачивались и двигались по раскисшему полю на небольшой скорости. За танками продвигалась пехота.

– Вот бы сейчас артиллеристы открыли по ним огонь, а то идут прямо на нас. Эх, мать родная, за что же это, – прошептал Николай.

Вдруг среди танков начали появляться разрывы, танки еще сильнее стали чадить моторами, пытаясь увеличить скорость. От интенсивного огня артиллеристов один танк остановился и задымил, другие сворачивали к дороге, еще один танк остановился, пехота залегла и начала отходить к высоте. «Тоже не нравится», – подумал Николай. Артиллерия продолжала яростно стрелять, был подбит еще один танк, первый уже горел. Остальные задним ходом отходили к высоте и смещались к дороге. Артиллерия, которая замаскировалась за дорогой у лесополосы, молчала.

– На этот раз пронесло, молодцы артиллеристы! – кричал из окопчика Янка. – Хорошо им дали!

Николай молчал. Впереди по дороге и вдоль, словно железный каток, спускались с горки немецкие тяжелые танки, за ними были видны мотоциклы и бронетранспортеры. Николай насчитал до десяти танков, и по телу пошла дрожь, казалось, этот каток все сомнет и расплющит и от него никуда не спрячешься. Со стороны высоты тоже стали видны дымы моторов танков. Сколько же их? Было желание вскочить и бежать подальше от надвигающегося грохота стальных чудовищ. Окоп показался ему таким маленьким и беззащитным, что вдруг захотелось рыть, рыть землю и закопаться глубоко-глубоко.

Танки уже были хорошо различимы, двигались уверенно и спокойно.

«Какие громадины, почему не стреляют, почему не стреляют, где наша артиллерия, может, уже все отошли, а я один?» – носились мысли у Николая.

Он уже собирался выпрыгивать из окопа и бежать, но послышались выстрелы артиллерийских орудий и пулемета, это стрелял Янка. «Не один», – промелькнуло в голове, и, взяв автомат, Николай начал готовиться к стрельбе. Прошла дрожь. Но чувство, что все как-то нереально, что это мираж какой-то, не покидало его. Зачем это все? Может, встать и пойти? Разорвавшийся неподалеку снаряд заставил Николая вернуться в реальность. Где двигались немецкие танки и пехота, хорошо были видны разрывы снарядов наших орудий, разрывы были плотными, но танки медленно продолжали двигаться. Пехота залегла. Все чаще и ближе стали возникать разрывы снарядов у вырытых окопов. Николай оглянулся на Янку, его пулемет строчил правее него. По полю от высоты двигались бронетранспортеры и наступала пехота.

– Ого, так близко, – вслух произнес Николай. Поправил автомат и, установив прицел, начал стрелять. Как и дома на работе, вернулись уверенность и спокойствие. Сменил диск и начал искать гранаты, но в этот момент раздался взрыв. Все поплыло перед глазами, и он упал на дно окопа. А в это время появились наши штурмовики и делали заходы на танки и атакующую немецкую пехоту. На поле и вдоль дороги уже горело несколько танков и бронетранспор-

теров. Николай пришел в себя, когда штурмовики делали последний заход. Сзади слышался крик, будто кто его звал. Николай оглянулся и увидел командира отделения, он звал его к себе. Николай осмотрелся, схватил автомат, гранаты, свои пожитки и пополз к сержанту. Возле него уже было около десятка человек из их батальона.

– Давай быстрее, поможем артиллеристам, на них немцы наседают!.. – И, пригибаясь, они гуськом побежали за командиром.

За Николаем топал Куйсымов и что-то говорил, сбоку бежал с пулеметом Янка. Впереди были слышны взрывы гранат и строчил пулемет, там шел бой. Сержант приказал развернуться в цепь, и только выбежали на край лесной полосы, как увидели недалеко немцев. Они обходили позицию артиллеристов и, казалось, вот-вот ее захватят. Атаку немцев поддерживал бронетранспортер. Все произошло быстро и неожиданно. Залегли и открыли огонь по наступающей немецкой цепи. Огонь пришелся по их правому флангу с тылу. Пока немцы разбирались, откуда ведется огонь, артиллеристы сумели развернуть одно орудие и подбили, а затем подожгли бронетранспортер. Немцы метнулись влево, но и здесь застрочил пулемет, и они побежали. Мало кто из них ушел.

Когда закончился бой, сержант повел их на позицию артиллеристов. Навстречу им бежал солдат в расстегнутой шинели и что-то кричал. Солдат был красный и потный, остановился возле сержанта и быстро заговорил:

– Слушай, дорогой, выручай, снаряды закончились, а машины с ящиками здесь недалеко, слушай, разбиты и не едут. Выручай, друг, иначе нечем стрелять.

Сразу было понятно, что это грузин. Он так просил помочь, что команда сержанта уже была не нужна.

– Где твои машины?

– Да недалеко, может, сто метров, – уже улыбаясь, говорил этот неизвестный нам солдат.

– Тебя как звать?

– Я Самсон, отца зовут Зураб, он очень известный в нашем селе человек.

– Конечно, глядя на тебя, отец твой очень известный. Давай быстро веди к машинам.

Грузин замолчал и побежал вдоль лесополосы. До машин оказалось метров четыреста.

– Ну и глазомер у тебя, не зря артиллерист, – это сержант завел разговор с Самсоном, когда подходили к машинам.

– Стой! – раздался окрик из-за дерева.

– Да свои, что, не видишь? – крикнул Самсон.

Показался солдат с автоматом:

– Мало ли что, а вдруг немцы.

– Они бы тебе ответили гранатой или из пулемета, – прокомментировал обстановку сержант.

С машин сгрузили все снаряды и, взяв по три ящика, пригибаясь, друг за другом быстрым шагом пошли к позициям. Когда делали третий заход, пот покрывал все тело, хотелось прилечь и чего-нибудь перекусить, но сержант и командир-артиллерист торопили. Командир-артиллерист был белорус, поговору определил Янка, который после второго захода спросил:

– Товарищ капитан, а вы с каких мест?

– А тебе зачем?

– Да я сам из-под Пружан. Может, и вы с тех мест? Говор ваш очень похож на наш местный.

– Я из-под Пинска.

– Так мы земляки, товарищ капитан.

– Давай, земляк, помогай, скоро здесь опять будет жарко. Да вы не оставляйте нас одних.

По танкам стреляй, по пехоте стреляй, пехота то слева, то справа заходит, а нашу пехоту как королева языком слизала, сразу драпанули, только и видели их.

– А кто вас выручил сейчас? – вставил слово сержант.

– Давай, сержант, помогай, с нами не пропадете.

Когда подходили с третьей ношей, уже были слышны выстрелы орудий. Быстро сложили ящики, к ним подбежал капитан.

– Сержант, со стороны высоты немцы наступают, бери своих, бери подвозчиков снарядов и не подпускайте немцев, будем вместе отбиваться. – Ткнув пальцем вверх, продолжал громко кричать: – Должны же там вспомнить о нас! Давай, сержант, выручай! – и побежал к орудиям.

Остатки взвода и три шофера с Самсоном – подвозчики снарядов – лежали на сырой земле возле дерева и тяжело дышали. Сержант привстал и произнес то ли команду, то ли просьбу, что надо держаться артиллеристов: куда они, туда и мы, с ними жизни мало, а без них нам с этой тучей танков точно не жить.

Спешно окапывались, по полю правее двигались танки и пехота, с высоты спускались бронетранспортеры, и видно было, как разворачивается в цепь немецкая пехота. Окопались наспех, но все же укрытие. Прополз вдоль окопчиков сержант, давал команды и, главное, ободрял людей.

Николай подготовился к бою, был спокоен. Тучи начали рассеиваться. Выглянуло солнце, стало еще спокойнее. Как хочется жить, домой, в поле! Раздавшийся рядом взрыв заставил вздрогнуть и выглянуть из окопчика. Уже шел бой.

До вечера они отбили три атаки немцев. Когда отбивали третью атаку, у Николая появился азарт, ему было весело, и он, меняя диск автомата, засмеялся, представляя, как он будет гнать фрицев назад. Заканчивались патроны, прошел азарт, казалось, уже нет сил что-то делать, куда-нибудь идти, хотелось лечь и лежать не двигаясь. Мрачные мысли Николая прервал Самсон, который подполз к окопчику и прокричал:

– Сержант к себе требует, он вон там, возле ящиков со снарядами! – и пополз дальше.

Возле сержанта собралось человек шесть.

– Вот и все, кто остался, артиллеристы уходят, они получили приказ отходить, а мы куда без них? Капитан их ранен, с трудом может передвигаться, тяжело ранен Янка, есть и другие раненые. Надо оторваться быстрее от немцев. Мы и еще четыре артиллериста, которые остались без орудий, будем прикрывать их отход. Как только они начнут движение и отойдут без боя, отходим мы. Такая вот задача. Все, пошли.

Стало темно, было слышно, как снимаются артиллеристы. Сержант разделил оставшихся на две команды. Николай со своей группой в пять человек вернулся в свои окопчики, которые занимали ранее, договорились, как действовать. В группе были украинец Семен и Куйсымов. Они обрадовались друг другу, будто встретились братья после долгой разлуки. Николай влез в окопчик. Было чувство, что вернулся домой. Стал набивать диски автомата патронами и прислушиваться. В стороне, где была группа сержанта, послышалась стрельба, но вскоре стихла. Одному в окопчике стало неуютно, и Николай решил подползти к каждому и переговорить или просто подбодрить, а скорее отогнать страх тишины, темноты и ночи. «Да, может, уже время возвращаться к ящикам, где наметили встречу с группой сержанта?» – с такими думами Николай вылез из ставшего родным окопчика и пополз до соседнего. Первым был Куйсымов.

– Как ты здесь, Куйсымов? Не страшно?

– Очень хочется поесть. Поесть бы – и тогда не страшно.

– Может, что найдем, когда все вместе соберемся. Смотри, а я дальше.

Дальше поправлял окоп Семен, он до этого был на другом фланге. Говорили недолго.

– Тихо, может, пронесет, как думаешь, Семен?

– Сейчас тихо, а там как будет.

Когда подползал к последнему окопу, Николаю казалось, что уже прошло много времени, как они здесь. Возле окопа, не видя, кто там, он негромко дал команду:

– Давай за мной, будем возвращаться.

Вскоре они собрались возле оставшихся пустых ящиков из-под снарядов и поджидали группу сержанта. Справа вдалеке шел сильный бой, стояло зарево, похоже, горели танки или машины, рвались снаряды.

– Стой, кто идет?

– Свои, – слышался голос сержанта. – Вот еще пополнение, заблудились трое наших. Ну что, пошли за артиллеристами?

Остатки артиллерийского дивизиона они нагнали за полночь. Капитан сидел на станинах орудия, которое тянули лошади. Впереди слышалась стрельба.

– Кажется, напорались, давай, сержант, выручай со своими, пока мы развернемся с орудиями. Да надо понять, что там за немцы. Выручай, сержант, времени мало.

– Люди устали и ничего не ели уже какие сутки.

– Хочешь, чтобы вас немец накормил? Накормит, открывай рот шире, и спать уложит на перинах. Так что, сержант, давай действуй, – со злом в голосе проговорил капитан.

– Да я так, устали все же, – оправдывался сержант.

– Отдохнем вместе, сержант, давай, там разгорается настоящий бой.

Определили сразу, что бой вело небольшое подразделение, может, рота – не больше. На них со всех сторон наседали немцы, и они отбивались из последних сил. Артиллеристы с группой сержанта атаковали немцев так неожиданно и вовремя, что захватили несколько немцев в плен, а главное, захватили у них и бронетранспортер, в котором оказались еда и сухие пайки. Остатки батальона составляли человек двадцать пять солдат и два сержанта, командовал ими старший лейтенант, замполит батальона. Николай со своей группой стоял возле урчащего бронетранспортера, было тепло, и можно было присесть на сухом. Поодаль на земле сидело под охраной молодого солдата человек шесть немцев. Они выглядели усталыми и испуганными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.